

КАМЕРА СМЕРТНИКОВ

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

РАССКАЗ ЧЕЛОВЕКА, СТАВШЕГО
СВИДЕТЕЛЕМ 280 КАЗНЕЙ

МИШЕЛЬ ЛАЙОНС

Мишель Лайонс
Камера смертников.
Последние минуты
Серия «True Crime»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48451539

Камера смертников. Последние минуты: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112858-6

Аннотация

Техас – один из штатов, где высшей мерой наказания по-прежнему остается смертная казнь. И Мишель Лайонс по долгу службы приходилось общаться с сотнями приговоренных к смерти. Это были обычные люди, совершившие бытовые убийства, и маньяки-психопаты, и насильники, и чересчур далеко зашедшие однажды «домашние тираны»... Как они жили в ожидании неминуемой гибели? Как проводили последние часы? Почему одни искренне раскаивались в содеянном, а другие оставались монстрами до последней секунды? Мишель Лайонс поделится случаями из личной практики. Теми историями, что заставят задуматься, вершит ли общество правосудие, предавая смерти убийцу? Справедливо ли казнить за преступление, совершенное в юности, того, кто за годы тюремного заключения стал действительно другим человеком? И можно ли оставлять

в живых чудовище, убивавшее просто ради извращенного удовольствия?..

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог. Единственная слезинка	7
Глава 1. Отход ко сну	11
Глава 2. Просто работа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мишель Лайонс

Камера смертников.

Последние минуты

Michelle Lyons

DEATH ROW: THE FINAL MINUTES

MY LIFE AS AN EXECUTION WITNESS IN
AMERICA'S MOST INFAMOUS PRISON

© Michelle Lyons, 2018 Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Маме, папе и брату – за то, что сделали меня
такой, какая я есть.*

*Моей дочери – за то, что помогла понять, кем
я хочу быть.*

Предисловие автора

Книга эта по большей части о том времени, когда моя работа – сначала в качестве журналистки, затем пресс-представителя – была связана с тexasским Департаментом уголовного судопроизводства; я не написала бы ее без моего дорогого друга и бывшего коллеги Ларри Фицджеральда, чьи мысли я тут часто привожу. Я должна также поблагодарить Эда Хэнкокса, снявшего о Ларри документальный фильм для Би-би-си («Человек, видевший 219 казней»). Моя книга родилась благодаря этому фильму. Интервью, любезно мне предоставленные Эдом Хэнкоксом, просто неоценимы. Всего мы с Ларри посетили почти 500 казней, многие из них вместе. Он был моим наставником и прекрасным человеком, он навсегда останется символом тexasской тюремной системы. Это повествование не только мое; оно в такой же степени принадлежит и Ларри.

Мишель Лайонс, май 2018 года

Пролог. Единственная слезинка

Я не помню ни его имени, ни какое он совершил преступление, ни из какого округа Техаса он родом, однако черты его лица свежи в моей памяти, словно казнь была вчера. Чернокожий, среднего возраста, с гордо выступающим подбородком. Больше всего мне запомнилось его одиночество. Никаких родственников, никаких друзей – никакой поддержки. Может, он сам не хотел, чтобы они пришли, а может, они не пожелали, а скорее всего у него просто никого не осталось.

Со стороны жертвы тоже никто не присутствовал. По крайней мере, насколько мне помнится. Либо они боялись, либо не могли позволить себе такую поездку, а возможно, прошло так много времени, что никого не удалось найти.

Как бы то ни было, за тем, как он лежал и смотрел в потолок, пристегнутый к кушетке и с иглами в обеих руках, наблюдали только два репортера, включая меня, и сотрудник тюрьмы.

По сторонам он не смотрел. Да и зачем? Знакомых у него здесь не было. Только начальник тюрьмы, стоявший у изголовья, и священник, положивший руку ему на колено. Начальник шагнул вперед и спросил, не хочет ли он произнести последнее слово, а человек на кушетке чуть заметно покачал головой, ничего не сказал и только заморгал. И тогда я увидела: в уголке правого глаза у него блестела слезинка.

Слезинка, которую он отчаянно пытался сморгнуть. Она на миг задержалась – и скатилась по щеке. Эта слезинка тронула меня сильнее любых слов. Начальник дал сигнал, и раствор потек в вены; человек на кушетке кашлял, брызгал слюной, потом затих. Вошел врач, объявил, что приговоренный умер, и накрыл ему голову простыней.

Поскольку я хорошо помню лицо казненного, то, наверное, смогу, порывшись среди своих документов, найти его имя. Только я не хочу знать ни его имени, ни что и где он совершил. Это все неважно. Я помню казнь – и с меня довольно. Никогда больше я не увижу никого столь одинокого и всеми забытого.

Когда я присутствовала на казнях, в том числе и женщин, – сначала как репортер, потом как работник тюремной системы, – я не позволяла себе пускаться в самокопание. Глядя в свои старые записи, я вижу, что меня многое волновало. Однако я была молодая, самоуверенная, и все вокруг казалось белым или черным. Любые мрачные сомнения я мысленно складывала в чемодан и задвигала его в самый дальний уголок сознания. Начни я анализировать, что чувствую, наблюдая казни, или разбираться в оттенках переживаемых эмоций, разве смогла бы я месяц за месяцем, год за годом, вновь и вновь приходить в эту комнату? А если бы я разрыдалась? Или кто-то заметил бы страх в моих глазах? Я просто обязана была отключать эмоции. Притупление чувств спасало меня и помогало работать дальше. Но в кон-

це концов мой чемодан переполнился, – пришлось сесть на него и придавить крышку.

Лишь когда я ушла из тюремной системы, – посетив за одиннадцать лет не менее 280 казней, – задумалась всерьез о том, что мне довелось пережить.

Бывало, увижу пластиковый контейнер с фруктовым пуншем – и вспоминаю, что такие давали осужденным в день казни; или открываю пакетик чипсов – и вспоминаю запах комнаты смерти. Или какая-нибудь радиопередача напомнит о беседе, состоявшейся у меня с приговоренным за несколько часов до его казни. Я представляю себе того человека на кушетке с его единственной слезинкой или мать детоубийцы Рики Макгинна. Больная и старая, прикованная к инвалидному креслу, миссис Макгинн приехала на казнь сына в нарядном цветастом платье и в жемчугах. Когда Макгинну пришло время сказать последнее слово, она выбралась из кресла и прижала к стеклу морщинистые руки – хотела, чтобы сын непременно ее увидел, прежде чем заскользит в пустоту.

Маленькой девочкой, лежа ночью в постели, я порой плакала о своих близких, которые когда-нибудь умрут. До сих пор помню светло-зеленые стены моей спальни и звук телевизора на первом этаже. Я включала у себя радио, надеясь, что музыка прогонит мысли о смерти. Через открытую дверь я смотрела в освещенный коридор, и по лицу у меня текли

слезы. Ни разу мне не пришло в голову спуститься и рассказать маме с папой о своих страхах – то была только моя тайна.

Утешала меня вот такая мысль: когда мы все умрем, встретимся на небесах. К чему бояться смерти любимых, если она не разлучит нас навсегда? Мы встретимся, это лишь вопрос времени.

С возрастом страх смерти трансформировался в боязнь забвения. В этом я виню свою первую школьную любовь. Мы расстались, когда я вместе с родителями переехала из Техаса в Иллинойс, а через несколько недель он уже встречался с другой девушкой. Я была подавлена. Видимо, я не такая уж особенная. Как можно так сильно меня любить – и так быстро забыть? Глупо, конечно, но это еще много лет выбивало меня из колеи. Всякий раз, расставаясь с людьми, я думала: «Хорошо ли я себя показала? Будут ли обо мне помнить?» Поэтому я хочу, чтобы после смерти меня кремировали, а мой прах развеяли. Ничего нет печальнее могилы, к которой никто не приходит. Зброшенной и никому не нужной – как тот человек, чье имя я не могу вспомнить.

Глава 1. Отход ко сну

...ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека.

Лев Толстой о казни Франсуа Ришё, 6 апреля 1875 года

Это у меня была первая казнь, и я чувствовала себя совершенно нормально. Люди то и дело спрашивали, как я. Да все в порядке. Хотя на самом деле мне уже становилось не по себе: я, видимо, должна волноваться, а раз не волнуюсь, меня, наверное, сочтут бессердечной?

Дневник Мишель, запись о казни Хавьера Круза, 1 октября 1998 года

Один заключенный мне сказал, что я приношу свет в отделение смертников. И не только он. Знаете, как много людей говорили мне, будто я излучаю свет? Недавно, во время поездки в Лондон, моя коллега сказала, что ей нравится со мной работать, потому что у меня «неподдельный энтузиазм». Многие говорят мне, что я увлекаюсь, как ребенок, что я энергична и всегда радуюсь. Отчасти это так. Я могу искренне восхищаться кубиками льда, веерами, жареной картошкой, светящимися игрушками, сувенирными чашками, да чем угодно, было бы оно яркое и блестящее. В на-

стольных играх я достигла невиданного мастерства и никогда не поддаюсь детям. Мне нравятся «Мусорщик идет на охоту», детективные игры, квесты. Я позволяю всем думать, что такова моя сущность, поскольку не люблю разочаровывать людей – как бы ни разочаровывали меня другие люди или жизнь. Я собираю друзей за столом, угощаю коктейлями, развлекаю остротами и всякими историями, – ведь они привыкли получать от меня именно это. Я пускаюсь шутить, потому что мне неудобно, когда речь заходит о серьезном. И я до смешного самокритична, особенно если дело касается тем для меня болезненных. Однако наедине с собой я плачу гораздо чаще, чем люди могут представить.

Есть у меня внутри темный чуланчик – иногда эта тьма меня переполняет, заставляет отгородиться от всего мира. Именно так я себя теперь чувствую, – думаю о том, что довелось увидеть и услышать в камере смерти. И по лицу у меня текут слезы.

Родиться на острове Галвестон – не пустяк. В Техасе часто спрашивают: «Вы на Острове родились?» – подразумевая Галвестон. У меня даже есть наклейка на машине, указывающая, что я уроженка Галвестона. Мой брат родился на материке, и я люблю говорить, что ему по этой причине до меня далеко.

Галвестон – дивное место для ребенка. По-своему очень спокойное. Летом я трудилась в сувенирной лавочке, а мои

друзья подрабатывали спасателями или торговали гамбургерами.

Мы жили на идущем вдоль дамбы бульваре, в квартире с видом на пляж, а еще у нас был домик в горах – его выстроил из чего попало мой отец вместе со своим отцом и братьями. Электричества там не было, а была дровяная печь и здоровенная цистерна для дождевой воды. Домик стоял в глуши, и там обитали скорпионы, змеи и разнообразные букашки. Для развлечения имелся только большой радиоприемник, который работал круглые сутки, играя кантри. Мне было там очень хорошо и спокойно – свернусь калачиком в постели и слушаю, как внизу взрослые режутся в карты, разговаривают, смеются, и тихонько играет радио.

Мой отец начинал работу журналистом в городе Галвестон, – там он и познакомился с мамой. Он был молодой и лихой полицейский репортер, а она – молоденькая хорошенькая служащая полицейского отделения. Помню, как он возвращался домой из редакции «Галвестон дейли ньюс», и я его обнимала, вдыхая отрадный запах газетной краски. Я и теперь люблю этот запах.

Когда мне было шестнадцать, мы переехали в Иллинойс: отец получил там место издателя «Бентон ивнинг ньюс». Бентон – небольшой городок с населением меньше десяти тысяч, успевший, однако, снискать злую славу. Незадолго до нашего переезда в городе с особой жестокостью была убита семья Дардин – четыре человека. Отца обнаружили мерт-

вым среди поля с собственными гениталиями во рту, а мать и сын были забиты насмерть в своем же трейлере. Что еще страшнее – во время избиения у женщины произошли роды, и младенца тоже жестоко убили.

По капризу судьбы мне потом довелось беседовать в отделении смертников с одним из главных подозреваемых – неким Томми Селлзом, за которым числилось около двадцати убийств.

Переезд в Бентон означал разрыв с моим бойфрендом и утрату первой любви, но скоро нашлась другая любовь – работа в фотолаборатории «Бентон ивнинг ньюс», хотя я еще доучивалась в школе. Каждый день в шесть утра я шла на работу, фотографы приносили пленки, а я их проявляла. Руки у меня пестрели пятнами от реактивов, я перепортила себе почти всю одежду, зато от работы была в восторге. В семнадцать я стала фотографом – снимала пожары и дорожные аварии. Мне это не составляло труда; лишь однажды, когда меня послали на аварию, в которой пострадала моя одноклассница, я растерялась и побоялась подойти ближе.

Папа сказал:

– Нужно подойти.

А я в ответ бросила:

– Не могу! Я ее знаю!

Сунула ему камеру и ушла.

Потом папа мне внушал, что я, как журналист, то и дело буду сталкиваться с разными неприятными вещами, но все

равно должна делать свою работу – доносить до людей новости, ведь именно за это мне и платят. И я поняла: он прав. Я делаю работу, и делать ее следует как можно лучше, даже если приходится снимать кого-то знакомого, кто сильно пострадал.

Мои родители хотели, чтобы я стала журналисткой, но я же была юной бунтаркой – вот и решила учиться на предпринимателя в Техасском университете А&М. Я сама не знала, каким желаю заниматься бизнесом, зато представляла, как расхаживаю в дорогуших костюмах и безудержно богатею. После первых же занятий по математической экономике я поняла, что совершенно для этого не гожусь. И тогда стала посещать занятия по журналистике – просто посмотреть, понравится ли мне. И мне еще как понравилось! Я выбрала журналистику в качестве главного предмета, и наш замечательный профессор Эд Уолревен пристроил меня на работу в местную газету – «Брайан-колледж стейшн игл». Теперь пути назад не было.

Я думала делать обзоры ресторанов, а вместо этого пришлось писать некрологи. Я брала в похоронном бюро образцы и расписывала биографии покойных – иногда увлекательные, но по большей части довольно серые. Как-то я получила задание поработать в качестве полицейского репортера; я писала о побеге из тюрьмы на Рождество и про взрыв на нефтепромыслах в маленьком городке под названием Дим-Бокс. Взрывом убило рабочего; он стоял на платформе, к

чему-то прислонившись, и погиб на месте. Тело не могли убрать из-за пожара, и целый день оно горело, превращаясь в корявую черную статую. Ужасное зрелище, но кто-то должен освещать и такие новости. И хотя я еще училась в колледже, уже работала полицейским репортером и старалась быть репортером хорошим, не позволяла происходящему выбить меня из колеи.

Оглядываясь назад, я понимаю: мне суждено было рано или поздно иметь дело со смертями, – есть во мне темная сторона, и чувство юмора у меня своеобразное. Меня всегда интересовали преступления, а Техас – настоящая кладовая жутких криминальных историй. Еще мне нравятся тайны, головоломки, хитрые задачи – словом, все, что требует разгадывания. Наверное, оттого мне интересны умные, сложные, многомерные личности. Что ими движет? Почему они мыслят так, как мыслят? Почему совершают такие поступки? А в тюремной системе есть множество людей, чей мозг работает иначе, чем у большинства.

После работы в «Чикаго сан-таймс» и в газете города Ливенворта, штат Канзас, мой отец занял пост издателя газеты «Хантсвилл айтем» – в семидесяти милях к северу от Хьюстона и сорока минутах от городка Колледж-Стейшен, где я училась. С редактором «Хантсвилл айтем» я познакомилась в 1998 году на ярмарке вакансий: узнала, что редакция ищет сотрудника, прошла собеседование – и получила работу. Отец ничего не знал. К нему пришел главный редактор и

сообщил хорошую новость:

– Мы нашли репортера.

– Отлично, а кто это?

И редактор сказал, что это я.

Позже отец признался, что ему тогда стало не по себе: если он не будет ко мне достаточно строг, все подумают, что он со мной либеральничает. Он решил быть строгим.

Вначале я занималась городскими делами, причем задания получала самые разные, например освещать новости местной больницы или писать тематические статьи. Газета была маленькая, в ней работали всего три репортера, поэтому нередко приходилось писать три – пять статей в день. Я вдруг почувствовала себя важной птицей, и мне это нравилось.

Однажды сотрудница, освещавшая дела техасского Департамента уголовного судопроизводства (или, говоря короче, Департамента), не смогла присутствовать на процедуре казни, и меня попросили ее заменить.

Смотреть казнь приглашают не только родственников убийцы и его жертвы: в комнате свидетелей могут присутствовать пять репортеров, и один из них – из «Хантсвилл айтем».

Отец вызвал меня к себе в кабинет и спросил: «Справишься с таким делом?» Я пообещала, что проблем не будет.

Женщина, которую я заменила, вкратце рассказала, что меня ждет: мне нужно прийти в расположенное напротив

тюрьмы офисное здание и встретиться там с неким Ларри Фицджеральдом, руководителем отдела внешней информации Департамента. Он отведет меня в свой кабинет, где мы будем сидеть, пока нас не вызовут. Потом меня проводят в комнату для свидетелей, а приговоренный уже будет лежать на кушетке с катетерами в венах. Он произнесет последнее слово, потом уснет – и я ухожу в редакцию писать статью. Так мне сказали, – и так все и произошло.

В 1991 году Хавьер Круз убил в Сан-Антонио двоих стариков; входя в комнату для инъекций, я подумала: «Хм-м, этот тип забил молотком стариков, а его теперь просто усыпят?» Сама казнь до такой степени мало меня волновала, что я практически не запомнила подробностей. Я вернулась в редакцию, отец поинтересовался моим самочувствием, и я сказала: «Все нормально, пойду писать статью». Управилась я меньше чем за час. Мне было двадцать два года.

В четверг вечером сорокаоднолетний Хавьер Круз был предан смерти; глядя на своих родных и повторяя «Я в порядке», он упустил шанс произнести последнее слово.

Он – пятнадцатый из казненных в этом году в Техасе.
Из статьи Мишель о Хавьере Крузе, «Хантсвилл айтем», 2 октября 1998 года

Глава 2. Просто работа

Смертная казнь – мера несправедливая, деспотичная, рискованная и неотделима от расовой дискриминации и судебных ошибок.

Бьянка Джаггер, активистка борьбы за отмену смертной казни

Он все повторял: «Я уже убил троих и тебя убью».

Лиза Блэкберн, последняя жертва Гэри Грэма

После проходивших в Хантсвилле в 2001 году съемок фильма «Жизнь Дэвида Гейла» Кейт Уинслет дала интервью, в котором назвала город «одной гигантской тюрьмой» и все толковала об «остром ощущении смерти».

Это совершенно несправедливо. Грубо говоря, нелепая чушь. Сильно сомневаюсь, что она много ходила по городу. Как-то не видели ее на улицах и в кафе; да и создатели фильма вряд ли основательно изучали Хантсвилл. Кейт мы видели один раз, когда снималась финальная сцена. Ее героиня, пытаясь предотвратить казнь, пробегает расстояние, которое в реальной жизни составляет километров тридцать, падает и кричит, чтобы казнь остановили. Я стояла среди прочих зрителей – и скептически покачивала головой. В какой-то момент Кейт достало, что на нее таранится столько народу,

и нам пришлось разойтись. Наверное, мы мешали ей войти в образ.

Ее критику я приняла близко к сердцу, потому что город был ко мне добр. Хантсвилл с населением, согласно последней переписи, 38 548 человек находится между Хьюстоном и Далласом – и это его главный козырь. Однако Хантсвилл и сам по себе красивый город, окруженный грядами холмов и деревьями – теми самыми соснами, из которых состоит тexasский лесной массив.

Места у нас очень живописные, и если не знать, что здесь расположено семь тюрем и город наш европейские СМИ прозвали всемирной столицей казней, вы вполне приятно проведете время и ничуть не разочаруетесь. В Хантсвилле нет тяжелой, отрицательной энергии, которая, бывает, висит над местностью, как черный туман. Это типичный американский городок, где на Рождество улицы украшают гирляндами, а в дни государственных праздников – флагами, и где на каждом углу церкви.

Когда я оказалась в Хантсвилле, думала прожить здесь месяцев шесть, а потом переехать в какой-нибудь большой город. Шесть месяцев превратились в год, год – в пять, потом в десять. И вот уже прошло двадцать лет, и я ничуть не жалею.

Тюрьма «Стены» (так прозвали тюрьму Хантсвилл¹ за

¹ Хантсвилл – название города и тюрьмы; тюрьмы в США иногда именуют по названию местности, где они расположены. Тюрьма Хантсвилл считается главной административной единицей: до недавнего времени руководство тexasского Департамента уголовного судопроизводства располагалось на ее территории. –

ограду из красного кирпича) была открыта в 1849 году и является, таким образом, самой старой государственной тюрьмой в Техасе.

До 1924 года наиболее распространенным способом казни было повешение, и каждый округ сам приводил приговор в исполнение. С 1924 года все казни штата осуществляются в специальной камере тюрьмы Хантсвилл. С 1924 по 1964 год на электрическом стуле был казнен 361 человек. Первым через это прошел Чарльз Рейнольдс из округа Ред-Ривер, а последним – Джозеф Джонсон из округа Харрис. В 1972 году Верховный суд объявил, что смертная казнь противоречит Конституции, поскольку является жестокой и противозаконной. Не прошло и двух лет, как Техас к ней вернулся, а с 1977 года в качестве ее нового способа утвердил смертельную инъекцию. Чарли Брукс в 1982 году стал первым приговоренным, которого казнили этим новым, не столь эффективным, способом.

Поскольку тюрьма «Стены» выстроена уже давно, вокруг нее успел вырасти целый город, и тюремная система – главный здешний работодатель. За ней идет университет, имеющий, кстати, уклон в область уголовной юстиции. Со всего мира люди едут в Университет Сэма Хьюстона – изучать исправительную систему.

Говорят, Хантсвилл – единственное место в Техасе, которого не коснулась Великая депрессия, потому что заключен-

ных было полно, возможно, даже больше обычного – ведь бедность ведет к росту преступности.

В Хантсвилле всякий так или иначе имеет отношение к тюремной системе. Если человек сам не работает на Департамент, то работает его жена, или муж, или брат, или сестра. Работников тюрьмы вы встретите по всему городу; форма у них серого цвета или же брюки серые, а рубашка голубая с гербом штата.

Городские магазины делают скидки для работников тюрем и обслуживают освобожденных. Когда заключенного выпускают условно-досрочно, ему выдают одежду – как правило, довольно плохонькую. Еще он получает чек на пятьдесят долларов. Магазины предлагают его обналичить, и потом ему продадут недорогие майки, футболки, банданы – в общем, практически все необходимое.

Хотя тюрьма Хантсвилл расположена недалеко от городка Колледж-Стейшен, где я училась, и мне было известно, что там казнят приговоренных, я никогда особенно не задумывалась о смертной казни, пока не увидела смерть Хавьера Круза на кушетке для инъекций. Впрочем, и после того, как я увидела смерть Хавьера Круза, я тоже не сильно задумывалась. Я была сторонницей казни и считала, что это вполне подходящая кара за некоторые преступления – изнасилование, убийство, детоубийство. Если человек изнасиловал и убил ребенка, значит, с ним изначально что-то не так, и его душу уже не спасти.

В Техасе применяют смертную казнь, но много мы на эту тему не дискутируем. Здесь – как и с другими социальными проблемами – люди стараются держаться подальше от того, что не касается их лично. Для большинства техасцев смертная казнь – абстрактное понятие, о котором можно порой посудачить в компании. Для меня, однако, оно стало вполне реальным, когда в январе 2000 года я начала писать для «Хантсвилл айтем» на тюремные темы.

В 1995 году Джордж Буш стал губернатором Техаса, и после некоторого затишья (в 1996 году в штате исполнили только три смертных приговора) комната смерти опять стала востребована. В 1997 году здесь казнили 37 человек, затем, в 1998-м – 20, в 1999-м – 35. Дальнейшего, правда, я предвидеть не могла. За первый же месяц работы по тюремной тематике я посетила пять казней. В 2000 году в тюрьме Хантсвилл смертельную инъекцию получили 40 человек, в том числе и женщины. Это рекордное число казней в году для одного штата и почти столько, сколько их совершилось во всех остальных штатах, вместе взятых.

Первая казнь, на которой я присутствовала в новом качестве, была казнь Эрла Карла Гейзелбеца-младшего, убившего в 1991 году в округе Сабин молодую женщину и ее двухлетнюю дочь. Его последние слова: «Всех вас люблю, увидимся на той стороне».

Когда я просматриваю в своем дневнике давние заметки, в глаза мне прежде всего бросаются вещи самые обыденные.

Например, что Гейзелбец «так и не снял очки». Что у Бетти Лу Битс (она была второй женщиной, казненной в Техасе со времен Гражданской войны), убившей двух мужей и стрелявшей еще одному в спину, «изящные маленькие ножки». Что Джеффри Диллингэм, бандит, перерезавший горло женщине в Форт-Уорте, – «симпатичный, и у него ямочки на щеках».

Некоторые заключенные напоминали моих знакомых. Спенсер Гудман, убивший жену Билла Хэма, менеджера рок-группы «ZZ Top», «похож на моего приятеля Джереми Джонсона – у них одинаковое телосложение и ступни одинаковой формы». Оделл Барнс-младший, казненный в 1989 году за изнасилование и убийство в Уичито-Фолс, «похож на звезду известного ситкома». Ориен Джойнер, убивший в 1986 году в Лаббоке двух официанток, «страшно напоминает Пингвина из “Бэтмена”». Томас Мейсон, который в 1991 году убил мать и бабушку своей бывшей жены, – «копия моего дедушки: те же помаргивания и судорожные движения». Как и Мейсон, мой дедушка – из тех упертых стариков, что всегда при оружии и вечно грозятся кого-нибудь пристрелить. С одной только разницей: мой дед никого не пристрелил.

Психолог, наверное, нашел бы объяснение «двойникам» на смертной кушетке; например, что я подсознательно пытаюсь как-то очеловечить этих страшных людей и тем самым смягчить впечатление от происходящего, но, думаю, я про-

сто была по-детски беспечной. Меня не огорчало, что Томас Мейсон напоминает моего дедушку, ведь он все равно не мой дедушка.

Когда я поселилась отдельно от родителей – как раз перед тем, как начала посещать казни, – я все боялась, что приду домой, а в шкафу у меня кто-нибудь прячется, – причем боялась буквально до потери рассудка. Можете сказать: «Такого в жизни не бывает!» Но одна из первых моих казней как раз свершилась над таким преступником. Джеймс Клейтон пробрался в квартиру незнакомой женщины, спрятался в шкафу, а когда хозяйка вернулась домой, он ее убил, – и все потому, что его подружка пригрозила с ним порвать. Сразу после казни Клейтона я пошла и написала статью, а потом – прямым ходом в бар.

Как-то раз в комнате для свидетелей родственники осужденного принялись упрекать нас: мол, вы, журналисты, «тоже часть машины для убийства». Меня и это не задело, я смотрю на вещи иначе. Я – всего лишь репортер, я пишу о том, что вижу. Я не имею отношения к происходящему. В такой профессии молодость – большое преимущество. Я начинала в двадцать четыре, а значит, мне куда легче было абстрагироваться от ситуации и разложить по полочкам то, что я видела.

Друзья шутили над моей работой, слали дурацкие письма и эсэмэски. Но и хьюстонские полицейские – люди, которые имеют дело с ранами, убийствами, расчлененкой, – не раз

мне говорили, что не пойдут смотреть казнь даже за деньги. Мой брат, повидавший в поездках по Ираку вещи и похуже, не понимал, как я могу снова и снова входить в комнату смерти и наблюдать, как умирают люди. Зато я, – не считите за пустую болтовню, – никогда не смогла бы зарабатывать, скажем, стрижкой волос. Если я во время еды вижу чей-то волосок – начинаю давиться. Одна из моих лучших подруг – парикмахер, и я порой ее спрашивала: как ты можешь этим заниматься? Наверное, что одному хорошо, другому – ад; думаю, каждый запрограммирован для какой-то определенной работы.

Когда в тюрьме меня узнали получше и поняли, что нервы у меня крепкие, стали показывать фотографии заключенных, совершивших самоубийство, в том числе одного смертника, который перерезал себе горло, да так, что голова едва держалась. Меня и это не выбило из колеи. Любой журналист – во всяком случае, хороший – способен дистанцироваться от происходящего, быть бесстрастным и внимательным. Наблюдение за казнью – часть моей работы; и только я за порог – сразу о ней забываю.

Есть, однако, в моем дневнике записи, судя по которым, не так уж хорошо я справлялась. Кое-где я буквально впадаю в паранойю. Вот после нескольких казней мне вдруг начинает мерещиться запах комнаты смерти. Я улавливаю его в кабинете отца, открывая пакетик «Читос», а иногда мне вдруг кажется, что этот запах пропитал мою жевательную резин-

ку. Я думала, дело в химикатах, которые используются для инъекций, – но это невозможно, ведь жидкости находятся в шприцах. Или вот: после очередной казни я буквально паникую: «Вдруг мои собственные легкие откажут из-за того, что я надышалась этими химикатами?» Запах был отвратительный, и никогда в жизни мне больше не хотелось такое нюхать. Поэтому я радовалась, если приговоренному после последней трапезы кто-нибудь протаскивал потихоньку сигарету, – уж лучше пусть пахнет дымком.

Все-таки хорошо, что я вела дневник, а то бы сейчас рассказывала направо и налево, как, будучи молодым репортером, наблюдала казни совершенно равнодушно. Дневник – свидетель моих переживаний, существование которых я так долго отрицала.

Вот Билли Хьюз – первый смертник, у которого я брала интервью, и первый из моих интервьюируемых, чью казнь я потом наблюдала. Он очень хорошо говорил, был умный и приятный, и много чего успел за двадцать четыре года тюремной жизни (в истории Техаса – второй по длительности срок, проведенный в отделении смертников). Учился и получил два диплома, переводил книги в систему Брайля, организовал бизнес по изготовлению открыток, написал путеводитель для путешествующих верхом, нарисовал комикс и был активистом движения против смертной казни.

Перед казнью его духовный наставник передал мне, что Хьюзу понравилась моя статья о нем, и, если верить днев-

нику, это меня окрылило. Видимо, я чертовски гордилась, что моя статья – последнее или предпоследнее, что он читал. Однако позже мать его жертвы назвала Хьюза манипулятором, и я подумала – может, он и мной манипулировал? Потом Ларри мне рассказал, что Хьюз, по его же собственным словам, не заслужил с моей стороны хорошего отношения, и я пала духом. Хотя и предполагали, что Хьюз взял на себя вину жены, его все равно признали виновным в убийстве полицейского и казнили, и мне не следовало писать все подряд, что говорит заключенный.

Вот Уильям Китченс, казненный за изнасилование и убийство Патриции Уэбб в 1986 году в Абилине. Когда он произносил последнее слово, во мне, если верить дневнику, бурлили чувства: его извинения звучали так искренне...

Вот еще некий Оливер Круз, – его казнили после другого заключенного в тот же самый вечер. В тюрьме это называется «двойная укладка». Первым казнили Брайана Робинсона, заколовшего своих соседей-стариков, – настоящий был мерзавец. Когда ему начали вводить препарат, он обратился к родственникам убитых: «На обратном пути давайте поаккуратнее. А то еще опрокинетесь и убьетесь». Таковы были его последние слова.

Через двадцать минут мы вернулись в комнату для свидетелей и слушали, как Оливер Круз в слезах каялся перед близкими своей жертвы. Он был невысокий и на вид совсем юный; даже усики у него были, как у подростка, который хо-

чет казаться взрослым. Свою жертву, служащую военно-воздушных сил Келли Донован, Круз и его сообщник затащили в машину и увезли. Затем Круз изнасиловал ее и заколол. Священник Эммануэль Маккарти, приехавший в Хантсвилл на казнь, заявил журналистам, что, поскольку Келли Донован носила слишком короткие шорты, «ничем хорошим это не могло кончиться». То есть служитель Божий рассудил, что она сама напросилась.

Придя с повинной, Круз сознался еще в трех убийствах. Когда, лежа на кушетке, он молил о прощении, я испытывала жалость. А именно, согласно дневнику, «сочувствие, которое трудно облечь в слова». Я оценила его поступок: осужденный на смерть, он предпочел признать вину, а не лгать до последней секунды.

Есть в моем дневнике записи, читая которые я просто съеживаюсь. Такая я была незрелая, глупая и самодовольная. Я всегда придавала большое значение своим поступкам, и теперь от некоторых фраз, написанных в тот период, мне становится очень и очень неловко. После казни Стейси Ламонта 14 ноября 2000 года я написала: «Расклад такой: если хочешь делать эту работу, нужно быть жестче. Я не злая и не равнодушная. Я плакала, когда смотрела “Титаник” и когда умер мой хомячок. Просто у меня такая работа. Хлюпики, что тут сказать».

Я не имела никакого права на такую категоричность, ведь я почти ничего не знала о жизни и смерти. Я была взрослая,

но во многих отношениях – совсем ребенок и потому мыслила шаблонами.

Майк Грачук из Ассошиэйтед пресс часто присутствовал на казнях, и после очередной телевизионщички поинтересовались, что он чувствует. Грачук оторвался от клавиатуры, посмотрел на них и сказал: «Чувствую, что нужно закончить статью». Меня это впечатлило. Репортер должен быть бесстрастным, уметь отстраняться от событий, – ведь мы всего лишь выполняем работу.

После одной казни женщина-репортер побежала рыдать в туалет, и я, помню, слушала ее с подружкой разговор и думала: «Как они меня достали!» И еще помню журналистку из Англии, которая расплакалась, потому что осужденный был похож на ее бойфренда. Какие нежные дамочки, думала я. Конечно, журналист должен уметь все заглывать. Однако я в то время была просто бессердечной и невыносимой: «Ой, да я круче всех...»

Иногда в моем дневнике проскальзывают нотки капризного подростка. Отчего-то я вдруг накинулась на Пола Нансио: «Этот коротышка действует мне на нервы. Во-первых, ему не хватило ума спасти себе жизнь. Во-вторых, нагрубил родственникам убитого. В-третьих, выражение лица у него дурацкое». Справедливости ради следует заметить, что Нансио изнасиловал и задушил женщину. И вообще, наверное, многие двадцатичетырехлетние, ведущие дневник, ставят свои записи превыше всего. Тем не менее мои заметки

о Томми Рэе Джексоне просто невозможно читать. Джексон, который в 1983 году похитил, изнасиловал и убил студентку Розалинд Робинсон, произнес довольно бессвязную предсмертную речь, длившуюся девять минут, то есть несколько дольше обычного. Пока он говорил, я раздражалась все сильнее, поскольку хотела скорее написать статью и рвануть в бар – отмечать Синко де Майо². А этот тип лежит себе на кушетке и пытается продлить драгоценные минуты своей жизни, и я злюсь, что он отнимает время у моего развлечения. Каков негодяй! Как же мне за себя стыдно...

В свое оправдание могу сказать: неудивительно, что у меня началось профессиональное выгорание, хотя тогда я этого не понимала, – в первые шесть месяцев 2000 года я присутствовала на 22 казнях, включая семь за один только май. И некоторые из этих смертей сопровождались настоящим ба-лаганом.

В день своей казни Билли Хьюз заметил Ларри Фицджеральду: «Я очень сожалею о том, что здесь произойдет» – но в подробности не вдавался. Подъехав к «Стенам», я увидела перед тюрьмой толпу полицейских в форме, – так всегда происходит, когда казнят того, кто убил стража порядка. А на другой стороне улицы красовался щит с надписью «Джордж 117–2 Джеб»: подразумевалось количество казней

² Синко де Майо – мексиканский национальный праздник в честь победы в битве при Пуэбле 5 мая 1862 г. во время франко-мексиканской войны 1861–1867 гг.

в Техасе при губернаторстве Джорджа Буша и во Флориде, где губернаторствовал его брат Джеб. Был там и уличный оркестр, и девушки из группы поддержки в одинаковых жакетах и юбочках в складку, распевавшие что-то вроде «Техас среди штатов самый крутой! По числу казней обгоним любовью!»

Все это организовал режиссер-документалист Майкл Мур для своего телесериала «Ужасная правда». Ну ладно, если бы казнили другого осужденного. Теперь же, когда кругом терпеливо стояли полицейские в форме, пришедшие почтить память убитого товарища, вся эта кутерьма вызывала отвращение. Зато сам Хьюз меня едва не рассмешил своим последним заявлением: «Если я плачу свой долг обществу, мне полагается компенсация или обратная выплата». Я тихонько фыркнула и тут же спохватилась: о боже, сейчас только этого не хватало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.